

ВЛАДИМИР
ТОРИН

ДЕМОНЫ, ИЛИ ТАЙНЫ СТАРОЙ АПТЕКИ

фэнтези

МИО

МИФ Проза

Владимир Торин

Лемони, или Тайны старой аптеки

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Торин В. В.

Лемони, или Тайны старой аптеки / В. В. Торин — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-250994-2

На краю Саквяжного района стоит старая аптека. Поговаривают, что с наступлением ночи в ней творятся странные дела, а владелец, таинственный мистер Лемони, умеет создавать сыворотки чудодейственного свойства. Хмурым осенним днем, незадолго до туманного шквала, на порог аптеки заносит молодого джентльмена, у которого к аптекарю есть некое важное дело. Но он и не догадывается, какие поразительные открытия сделает здесь в ближайшие пару дней.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-250994-2

© Торин В. В., 2026
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2026

Содержание

Лёмони. История о раздражающих личностях, странных лекарствах и кривой ухмылке	7
Тайны старой аптеки. История о собачьих ушах, гротескиане и черепае в странном парике	22
Глава 1. Лемони и... Лемони	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Торин

Лемони, или Тайны старой аптеки

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Лёмони. История о раздражающих личностях, странных лекарствах и кривой ухмылке

– Уэаа-а! – Это вы морщитесь, жуя горькую пилюлю.

На вкус она похожа на смешанную с пылью и вымоченную в слюне гремлины рыбью чешую. Вы наивно решили, что мигрень пройдет, стоит вам забросить пилюлю в рот, разжевать, проглотить и... Что ж, мигрень действительно постепенно проходит, но ее заменяют тошнота, озноб и покалывание чуть ниже спины.

Лекарства – они такие: порой кажется, что от них становится лишь хуже. Они горькие, противно скрипят на зубах, вызывают усталость и сонливость – общую вялость. Они напоминают отраву весьма занимательного действия. Занимательное оно, впрочем, лишь для коварных интриганов с черными саквояжами и строгими бакенбардами, то есть для докторов, которые прописывают наивному обывателю порошочек или же мазь, а потом «наблюдают его», что с их языка переводится как «Любопытно, что эта обезьяна будет вытворять, если угостить ее пилюлькой со вкусом пыльного пианино?».

Что касается Габена, то здесь от лекарств действительно часто становится лишь хуже. В каждой мази, притирке, пилюле, пиннетке, бутылочке с каплями, в каждом порошочке или экстракте скрыто то, что не позволяет покупать их необдуманно. Многие слышали о побочных эффектах, но мало кто знает, что такое габенские побочные эффекты.

Скажем, у вас побаливает сердце от постоянных прыжков веры в лапы кредитных сообществ и горького разочарования в порядочности банковских клерков. От всего этого доктор с радостью пропишет вам «Зеленые капли Поупа», но от капель у вас разовьется хроническая чихота (с присвистом). Если вы ушибли руку ставнями, пытаетесь влезть в чужое окно, вам пропишут мазь «Неболитта», но она вызовет у вас рвотный рефлекс от каждой шестой ложки еды (вне зависимости от того, что вы едите).

И так со всем. И все об этом знают, но ничего не могут поделать: уж лучше раз в день забывать, где находишься, чем изо дня в день терпеть невыносимое жжение в подмышках из-за гребли на веслах через лужу быта (образно выражаясь, естественно).

И тогда бедолаги идут в аптеку, выстаивают очередь, покупают свои пилюлечки, принимают их, морщатся – «Уэаа-а!» – и отправляются по своим делам, чтобы вскоре вернуться и купить уже другие пилюли – от недомогания, вызванного первыми. А добродушные аптекари в Габене только и рады вам услужить, ведь вы, ваши мигрени, расстройство ваших нервов и желудков, ваши ссадины из-за спортивного боксирования с обезьянами в пабе и тому подобное – их хлеб, а иногда даже пирожное с заварным кремом.

В Тремпл-Толл, Саквояжном районе Габена, всего две аптеки: «Аптека Медоуза» на перекрестке Бромвью и Харт, весьма успешное дело, и крошечная «Горькая Пилюля Лемони», знававшая и лучшие времена – времена, когда за стойкой стоял покойный батюшка нынешнего

аптекаря, наделенный несравненным честолюбием и совершенно лишенный совести. Об этой, второй, аптеке речь и пойдет.

Располагается она на углу зеленого дома на улице Слив буквально в двух шагах от трамвайной станции и парка Элмз. Дом этот давно не ремонтировался, флюгер на крыше проржавел, краска на двери облупилась. Другие дома на улице Слив мало чем от него отличаются: это старая часть города, к тому же сказывается близость к каналу Брилли-Моу и простирающемуся за ним Фли (Блошиному району), который заслуженно считается едва ли не самым дурным местом в Габене. Фли находится так близко, что сам мистер Лемони из окна своей комнаты над аптекой пару раз видел в подзорную трубу гигантских блох, которые прыгали там по крышам домов. Нечего удивляться, что у аптеки частенько ошивается всякий сброд.

К слову, о сброде. Неподалеку от входа порой стоит, прислонившись к стене, Шляпс. Он играет на расхлябанной, как пьяный моряк, гармошке и подпевает ей в надежде, что кто-то швырнет ему мелочи:

*Эй, милый доктор, вылечи же меня скорей!
Эй, милый доктор, или попросту меня прибей!
Я ненавижу всех кругом с девяти до шести часов.
Я запер свою жалкую-жалкую жизнь на засов!*

Всякий раз, как что-то подобное звучит, дверь аптеки открывается и на улицу выползает местный цепной пес – сгорбленная и всклокоченная мадам Клопп. Мадам Клопп недовольна буквально всем буквально всегда. Мадам Клопп – вдова и живет над аптекой, а еще она теща аптекаря.

– Пошел вон отсюда, проходимец! – вопит она и корчит жуткую гримасу. – Вот позову констебля, он не будет с тобой церемониться!

Шляпс подбирает с тротуара шляпу и в страхе ретируется в сторону Зеленой улочки. Повисшая на ремне гармошка сходится и расходится, как улыбка, шумит и гудит, вторя отдаляющемуся топанию Шляпса. Но со временем она затихает.

Мадам Клопп, вернувшись в аптеку, вопит с порога:

– Лемюэль! Снова этот бродяга ошивается поблизости! Когда ты с этим что-то сделаешь?!

– Да, мадам! – устало отвечает аптекарь.

– Что «да»? Ты должен отравить его, засунуть в мешок и отнести к каналу!

– Но Шляпс ведь ничего ужасного не сделал!

– Он поет эти паршивые песни и распугивает посетителей! Ты должен рассказать о нем мистеру Тромперу, пусть отделает его своей дубинкой! На тебя совсем нельзя полагаться, Лемюэль! Лучше бы Хелен вышла замуж за констебля, а не за тебя!

– Да, мадам.

Тут он с ней согласен: лучше бы Хелен вышла замуж за констебля, а не за него. Но ничего поделать с этим он не может. Разве что умереть. Но если по правде, умереть он тоже не может: ему нужно поддерживать семейное дело.

Мистер Лемони не может подвести прадедушку, ведь тот наблюдает за ним. Вернее, не сам прадедущка, а его череп в шкафу с лекарствами. Он стоит там, на полке, в своем лимонном парике, похожем формой на луковицу, и оглядывает общий зал. Недовольно взирает на пыльные стекла витрин, на паутину, свисающую с плафонов газовых ламп, на скрежещущий, как якорь, протянутый по морю гвоздей, кассовый аппарат и на старуху, которая устроилась на стуле с длинными ножками.

Стул этот примостился в самом темном углу аптеки, вырастает он едва ли не до потолка, и к нему ведет лесенка. Старуха с клопиной фамилией почти всегда на нем сидит – читает

газету и наблюдает за посетителями, но в основном она занимается тем, что прожигает взглядом макушку человека за стойкой.

За стойкой неизменно можно обнаружить самого мистера Лемони. Это невысокий тихий человек с неприметным лицом и невыразительными бакенбардами. Большие глаза, словно испуганные мыши, выглядывают из мешков, появившихся от недосыпания. Тонкие черные волосы аптекаря зачесаны на ту сторону, которая нравится не ему, а его жене, так они еще и напомажены сверх меры, из-за чего он постоянно чувствует себя втиснутым в баночку с ваксой.

– Добро пожаловать в «Горькую Пилюлю Лемони». Чем я могу вам помочь?

Мистер Лемони – плохой аптекарь. Он страдает, отпуская лекарства: это буквально сводит его с ума. Больше всего ему не нравится поддерживать общение с людьми. С момента, как он открывает дверь в девять утра, и до того, как он эту дверь запирает в шесть часов вечера, жизнь его представляет собой резиновую рутину и сплошные нервы.

А как иначе, ведь порой в аптеку заходят люди, способные вывести из себя даже чугунный фонарный столб. К примеру, старушки, совершающие променад, нечто вроде круиза по городу, и один из «портов», где они причаливают, – традиционно «Горькая Пилюля Лемони» на улице Слив. Сойдя с трамвая, они ползут к знакомой зеленой двери с мутным окошком, якобы с трудом переставляют ноги, кряхтят, трясутся, отрепетированно жалуются на жизнь и пытаются обсудить с господином аптекарем все, начиная с их облезлых котов и заканчивая их облезлыми внуками. Поделившись со всей аптекой сведениями, которые никому не нужны и не интересны, да и занудны настолько, что хочется взять и застрелиться, они покидают «Горькую Пилюлю» и направляются дальше – мучить почтальона, молочника, сапожника и констебля на углу. А затем мороженое, воздушный шарик, любимая газета, скамеечка в парке Элмз и путь домой – они боятся опоздать к обеду: одной ненавистью окружающих к себе сыт не будешь.

Также нередко в аптеку заходят помешанные на своих питомцах чокнутые дамочки и жеманные джентльмены, которые приносят ручного хряккса, замотанного в шарфик, или вваливаются вместе с огромным монстром породы грибальд, который расталкивает очередь, рассыпает всюду шерсть и лает так, что стекла выпрыгивают из окон и бегут в сторону канала топиться. Эти уважаемые владельцы животных активно имитируют иностранцев (делают вид, будто не понимают языка, на котором с ними говорят) и начинают спорить, вопить, угрожать и слезливо молить – чаще всего в таком порядке. Они полагают, будто это им поможет, чтобы

выклянчить лекарство для своей прямоходящей крысы на поводке, или бескрылой птицы в шляпе, или даже летучей рыбы по имени Франсуа, все норовящей выпрыгнуть из аквариума, который ее сердобольный хозяин приволок с собой. Они не понимают, когда им говорят, что здесь не продаются лекарства для животных и им следует обратиться к звериному врачу из переулка Трамм или еще откуда.

Приходится продавать им толченый мел, только чтобы они убралась: «Да-да, от этого чудесного порошка ваш карликовый слон вырастет, а ваша собственная лысина зарастет, как вырубленные джунгли Кейкута после ливня». И только тогда они уходят, уволакивая на поводке своего спрута, который оставляет фиолетовый след на полу, или улетают (вернее, упаряют прочь) на стае толстых пчел с ниточками, повязанными вокруг брюшек.

А мистер Лемони остается, выжимает платок, которым вытирал лоб, и украдкой поглядывает на своего извечного надсмотрщика мадам Клопп. Та притворяется, будто читает газету на своем стульчике под потолком.

– Лемюэль! – громко вещает мадам, высунув из-за газеты нос, словно перископ.

– Да, мадам? – откликается мистер Лемони, ожидая новую порцию оскорблений и унижений.

– Посетитель ушел недовольным, Лемюэль!

– Кто именно, мадам?

– Ты должен был заметить! Джентльмен с простуженной стрекозой, кто же еще?!

Также частые гости в аптеке – напыженные личности с плохим зрением и отвратительной грамотностью. Когда до них доходит очередь, они уверенно извлекают из кармана рецепт и чуть менее уверенно пытаются озвучить то, что на нем написано. Щурясь и корчась, эти господа и дамы изобретают парочку совершенно новых лекарств, сопят, ругаются и наотрез отказываются отдать рецепт аптекарю, чтобы он разобрал кривой докторский почерк. Они, мол, сами. У них, мол, гордость. «Или вы считаете, что у меня плохо со зрением? Или вы полагаете, будто я читать не умею?!»

Он утомленно глядит на то, как пот посетителя капает на бланк рецепта, переминается с ноги на ногу, покачивается, как пьяный маятник, чтобы в итоге в очередной раз сказать: «Простите, такого у нас нет. Такого вообще нигде нет! Уверен, там написано что-то другое. Вы позволите?» И он тянет руку за рецептом, но слышит возмущенное от мадам Клопп:

– Лемюэль! У нас есть! У нас все есть! Вряд ли мистер Медоуз с перекрестка Бромвью и Харт когда-то в своей жизни говорил, что у него чего-то там нет! – Мадам Клопп никогда не упускает случая упомянуть главного конкурента мистера Лемони – мистера Медоуза с его здоровенной трехэтажной аптекой, штатом аптекарей, учеников и даже посыльных. – Принеси господину его заказ! И поживее!

И Лемюэль Лемони спускается в провизорскую комнату, набирает пару пакетиков толченого мела, после чего всё приносит и с вымученной улыбкой отдает: «Ваш заказ, сэр». Разумеется, он знает, что толченый мел больных не лечит, но больные настолько горды, настолько уверены в том, что им прописал доктор, что, как бы ни продолжали потеть, валяться в жару, биться в ознобе и мочиться в постель, не вернуться, пока весь порошок не выпьют...

А чего только стоят эти стеснительные громилы из портов или с канала, которые вдруг превращаются в розовощеких детей и робко топчутся у стойки, не зная, как сказать, с чего начать и чем закончить. Они озираются по сторонам, лишь сильнее привлекая к себе внимание, пытаются понижать голос, подавать знаки мимикой, как будто поднятые домиком брови и неуверенный оскал переводятся как «Дюжину пилюль от неправильного использования шила (в одном месте), пожалуйста».

Господину аптекарю приходится угадывать, подталкивать громил, просить разъяснений, что вгоняет их в еще больший ступор, и тогда им уже требуется отпустить в довесок еще и

«Порошок Грюмма для забывчивых», чтобы они вспомнили, как связывать слова на родном языке.

Но забавнее (утомительнее) прочих хитрецы, которые считают, что если они как следует завуалируют заказ, то никто ничего не поймет.

– Простите, у вас есть клаксоны?

– Клаксоны?

– Да, клаксоны. Как на велоциклах и экипажах.

– Почтенный, вы ведь знаете, что здесь аптека?

– Да-да, разумеется. – Он озирается и кусает губы. – Но мне нужен не совсем клаксон.

– Не совсем?

– Ну скажем, вещь. Или, вернее, предмет. Да, предмет. Который как бы очень похож на клаксон. Только у него... э-э-э... нет трубы. На ее месте у него... э-э-э... дуло, как у револьвера. Нет, не совсем! Форсунка, как у паяльной лампы!

– Предмет, который похож на клаксон, но у него вместо трубы форсунка, как...

– У паяльной лампы, – радостно кивает посетитель.

Господин аптекарь наконец догадывается:

– А, так вам нужна спринцовка! Сейчас принесу.

И он выносит спринцовку, а также конвертик с нюхательной солью от стыдливых обмороков.

Кого только не заносит в аптеку! Но хуже всех эти проклятые ипохондрики, которые если чем-то и болеют, то лишь переизбытком фантазии. Они придумывают себе хворь, сами себе ставят диагнозы по принципу «Это пятно на коже похоже на гиппопотама с зонтиком, значит, я умираю!» и болеют совершенно всем, от насморка левой пятки до гнойного опухания сердца из-за старой душевной травмы, о которой они внезапно вспомнили. Ох уж эти недуги людей с недуготворческим кризисом! Как правило, данные личности приставучи, как репейник с болезненной тягой к обниманию. Они неимоверно раздражают тем, что громко, переигрывая, чихают, кашляют, плюются и шморгают носами, чтобы убедить всех в своей исключительной заразности.

– Ну дайте, ну дайте, ну дайте! – канючит ипохондрик, заламывая ручки, пуская слюнки и перетаптываясь на трясущихся ножках у стойки.

– Сэр, вы совершенно здоровы, – тяжело вздыхает мистер Лемони.

– Нет, я болен! Болен я! У меня боли-ит!

– Где?

– Всё!

И тогда мистер Лемони перегибается через стойку, стучит надоеде по его надоедливому носу и радостно сообщает:

– Теперь у вас болит! Свинцовая примочка за счет заведения!

А потом мистер Лемони слышит: «Дорогой, что это ты делаешь?»

Он открывает глаза и понимает, что замечтался наяву, а гадкий ипохондрик уже подключил к нему механический насос, трубки и педаль и с заискивающей улыбкой принялся качать его кровь. Этот тип по-прежнему стоит и трясется у стойки, попеременно то бледнея, то краснея, а еще обильно потея от бессмысленных попыток резко развить в себе явное опухание чего-либо, что должно убедить мистера Лемони в его крайней, отчаянной болезненности.

А жена бедного аптекаря, миссис Лемони, такая вся из себя жалостливая и сопереживающая, укоряюще глядит на супруга:

– Ты что, не видишь, дорогой? Джентльмен страдает, отпусти же ему лекарства! Давайте ваш список, сэр. Мистер Лемони все принесет. Что это за рулон? Ах, это ваш список? Ох, бедный вы, бедный. Дорогой, прошу тебя... Мама, скажи ему!

– Лемюэль!

И мистер Лемони, ненавидя всех, плетется за мешком и телегой, ведь иначе из аптеки не уволочь все, что этот болезненный там себе понапрописывал: помимо прочего, эти профессиональные больные ловко составляют списки из сугубо безрецептурных лекарств.

И так проходит день за днем. Люди заглядывают в аптеку, толпятся, ругаются и десертной ложечкой выедают то, что еще осталось в черепной коробке несчастного аптекаря.

И ладно бы посетители, но мадам Клопп никогда за словом в карман не лезет, чтобы унижить его или упрекнуть, ведь он буквально все делает не так. И то, и это, и вон то! Не то что замечательный мистер Медоуз с перекрестка Бромвью и Харт. Вот мистер Медоуз все делает правильно, и вообще он живой пример для подражания! Мистер Медоуз никогда не рассказывает посетителям о побочных эффектах лекарств, не переубеждает ипохондриков, советует больным (а порой не-таким-уж-и-больным) те или иные пилюли дополнительно, и они верят: аптекарь дурного не посоветует. А Лемюэлю Лемони должно быть стыдно за свою мягкотелость, как стыдно его прадедущке за своего нерадивого потомка.

Порой, в моменты особо склочного настроения, мадам Клопп спускается со своего места и следует за ним в провизорскую, наблюдает, как он смешивает лекарства, и вечно критикует его: не тот конвертик он взял, не те весы использовал, не ту ступку, не ту склянку, не ту, не ту, не ту...

Не ту женщину он выбрал, посмеив жениться на дочери этой гримзы. Так считал и сам мистер Лемони, ведь без него ей было бы лучше. Тем не менее в словах тещи никогда не крылось ничего, кроме очередного болезненного укола: Хелен Клопп (в девичестве) и ее мамочка мадам Клопп (позынее) никуда уходить не собирались – еще бы, ведь такое-то перспективное предприятие! Семейное дело, известное на весь Габен и за его пределами! А он и не заметил, как в один миг будто бы стал жертвой похищения...

Впрочем, у «жертвы похищения» нет времени страдать. Ее ждут посетители.

Звенит колокольчик над дверью. Скрипят петли, а затем грохочет, захлопнувшись, дверь. Стекла отдаются болезненным звоном. И откуда столько силы в таком хрупком теле?

– Мама послала меня за пилюлями для терпения, – сообщает обладатель тоненького голоска откуда-то из-под стойки и тянет ручонку с десятифунтовой бумажкой.

«Мама послала меня за пилюлями для терпения, – еще более пискляво повторяет голосок в голове мистера Лемони. – Ну еще бы! И как такое чудо можно долго терпеть?»

Действуя ловко и умело, аптекарь при помощи скальпеля раскалывает крошечную пилюлю на восемь долей, следя за процессом через увеличительное стекло на ножке. Одну восьмую он сыплет в бумажный конвертик. Пилюли для терпения дорогие, иначе их принимали бы все, всегда, причем нарочно превышая рекомендуемую дозировку. Это ведь Габен – тут быть терпеливым трудно.

Вот и мистеру Лемони трудно. Но он терпит. Он копит все это, рассовывая обиды и огорчения по конторским ящичкам души, и имитирует – нет, не счастье (в его счастье никто бы не поверил), – он профессионально имитирует удовлетворенность происходящим. Мистер Лемони жалеет, что не может выпить пилюлю терпения: его злобная теща не смыкает глаз...

Наиболее отвратительное время в аптеке обычно около полудня. Очередь продвигается медленно, в ней кипят такие страсти, что вот-вот прямо у стойки просто обязана произойти кровавая бойня. Очередь будто бы вскрывает в людях худшее. Каждый взгляд словно прикосновение раскаленного утюга, каждое слово будто ругательство, а каждое ругательство как... Хотя ругательство ни с чем не спутать.

Воздух настолько спертый и плотный, что его можно не только потрогать, но и при особом желании усесться на него, как в кресло. Но сидеть некогда. Все торопятся. Даже если у них впереди весь день.

Посетители, Впрочем, не хотят тратить даже одну лишнюю секунду в очереди. Чтобы уступить кому-то? Ха! Нашли дураков! («Кстати, не забыть бы порошок от глупости, четверть

унции. Да, больше, пожалуй, и не нужно. Слишком уметь не больно-то хочется: все слишком умные болеют от горя и чахнут в одиночестве. Их ведь не проведешь. А четверти унции как раз хватит, чтобы толкать дверь в правильную сторону и не садиться мимо стула»).

Нередко в полуденной очереди можно услышать: «Господа, я опаздываю!» На что следует коризненный ответ: «Мистер, тут все опаздывают!»

При этом сильнее всех возмущена и громче всех кричит, конечно же, какая-нибудь старушка, у которой последние дела были с полвека назад, а все поезда, на которые она могла бы опаздывать, уже давно сдали на металлолом. Но старушка эта пришла в аптеку не за мазью от подагры или глоссетами от ломоты в костях – нет, она пришла за настоящим лекарством, которое никогда не подводит: за исключительно приятным и милым сердцу издевательством над ближним.

Порой кто-то куда-то опаздывает по-настоящему и в какой-то момент, глядя на жилетные часы в последний раз, проклинает всех и вся, машет рукой на это безобразие и покидает очередь. В таком случае его ждут как злорадные взгляды (еще одна жертва не выдержала, спеклась и приказала долго жить, а значит, можно занять ее место), так и завистливые (еще один счастливчик сбежал, схватился за соломинку, выбрался из этого тягостного, пропахшего лекарствами болота).

«Я ненавижу их всех, – думает кто-то в аптеке, а может быть, даже сам мистер Лемони. – Как же я их всех ненавижу! Это не люди! Это монстры, пожирающие воздух...»

Звенит колокольчик над дверью. Звенит кассовый аппарат. Аптекарь с приветливой улыбкой обслуживает посетителей:

– Добро пожаловать в «Горькую Пилюлю Лемони». Чем я могу вам помочь?..

К вечеру того дня, с которого все началось, аптека наполнилась недобрыми предчувствиями. Обычно именно перед закрытием сюда заявлялись личности, которые предпочитали перемещаться по городу в сумерках и любили покрасоваться на развешанных по всему Тремпл-Толл плакатах о розыске.

Мистер Лемони их не боялся: что они ему сделают? Перегрызут горло, а потом сами будут искать требуемые лекарства? Да и если задуматься, подобный исход его не особо огорчил бы: как минимум в таком случае все это наконец закончится...

И тем не менее разгром в семейной аптеке ему не был нужен.

Лемюэль Лемони бросил стремительный взгляд в окно – проверить, там ли они. Они были там. За окном рядом расположились трое тощих черных котов. Уперли носы в стекло. Следят за каждым его движением. Ждут, когда он отвернется, чтобы проникнуть внутрь и украсть раствор валерьяны. У-у-у, блохастые пройдохи...

Взгляд аптекаря сполз с котов на дверь. За мутным стеклом темнел силуэт. Пугающий силуэт марки «Угроза».

Зазвенел колокольчик, и незнакомец вошел в аптеку.

Черное пальто с пелериной, цилиндр и круглые черные очки, какие носят слепцы. Воротник поднят, руки в карманах. Бледное лицо блестит от пота.

Человек этот выглядел так, словно только что ушел от погони. Либо так, будто погоня – это он сам. Он не был похож ни на одного из тех посетителей, что обычно выводят бедного господина аптекаря из себя. Он не напоминал старушку, не казался стеснительным или рассе-

янным, не обладал характерными чертами ипохондрика, да и животных никаких при нем не наблюдалось.

Отступив в сторону, человек в очках пропустил торопящуюся к выходу мисс Разбитое Сердце, которая прижимала к груди пакет с лекарством от душевных мук. После чего встал в очередь, будто врос в нее, превратившись во всего лишь еще одно пальто, еще один цилиндр в этом вяло движущемся людском гардеробе.

Губы его едва заметно шевелились, он бормотал что-то себе под нос, словно спорил с кем-то невидимым. Украдкой поглядывая то на часы под потолком, то на дверь за спиной, он явно пытался притвориться, будто ничего не замышляет, и при этом каждый раз вздрагивал, стоило колокольчику зазвенеть.

– Лемюэль! – воскликнула мадам Клопп. – Ты что, заснул?! Нельзя спать за стойкой! Вряд ли мистер Медоуз позволяет себе спать в служебное время!

– Да, мадам.

– Пошевеливайся! Отпусти джентльмену бинты. Он ведь разваливается на части!

Отвлечшись от мрачного посетителя в черных очках, аптекарь вспомнил о клиенте, который все это время терпеливо на него глядел, истекая кровью и зажимая рукой вспоротый живот.

– Сколько отрезать, сэр? – спросил мистер Лемони, достав из ящика под стойкой рулон бинта на барабане.

– Мне бы перевязать раны, будьте любезны.

– Полагаю, девять футов хватит.

– Главное, чтобы не шесть... ха-ха... – пошутил почти мертвец.

Мистеру Лемони импонировали люди с хорошим чувством юмора. Крутанув барабан, он отмерил девять футов и, взяв ножнички, отрезал бинт.

Когда дверь за раненым мистером закрылась, мадам Клопп осуждающе проворчала:

– Лемюэль! Ему было все равно: нужно было отпустить ему десять футов, а то и дюжину!

– Но, мадам...

– Лемюэль! Не спорь!

– Да, мадам.

Очередь постепенно продвигалась. В общем зале будто бы поселилась стая мух: посетители жужжали, кто-то шуршал газетой. За окном проехал трамвай.

– Лемюэль? – раздался вдруг едва слышный мерзкий голосок. – Кто такой Лемюэль?

Голос принадлежал редкостной мрази, состоявшей из одной лишь кривой ухмылки. Она стояла рядом с незнакомцем в черных очках, но ее никто не замечал.

Незнакомец продолжал глядеть перед собой, словно ничего не услышал.

Темные Попутчики не любят, когда их пытаются игнорировать. Они вообще очень злятся, когда их не замечаешь: ругаются, царапаются и пытаются вывести из себя. Они могут делать что угодно, и никто им не указ. Они не спятили – это ты спятил, а они лишь следствие твоего безумия. Не полноценные личности, а осколки, пропитанные гноем и злобой, лишенные сопереживания, ненавидящие. Они всегда с тобой, незримо для других сопровождают тебя всюду, куда бы ты ни пошел.

– Думаешь, это смешно? – спросила редкостная мразь у незнакомца в очках. – Молчать и делать вид, будто меня нет? Мы ведь это уже проходили...

Чтобы привлечь к себе внимание, Темный Попутчик просунул пальцы под уголки рта и попытался вывернуться наизнанку – чего только ни вытворишь, чтобы тебя заметили.

– Что мы вообще здесь делаем, в этом унылом месте? – Он нетерпеливо обхватил себя за плечи и принялся грызть губы. – Выбираем новую жертву? Что скажешь об этой вороне в шали? Ее визги меня раздражают...

Упомянутая «ворона» как раз тряслась на своем стульчике-наседте и кричала Лемюэлю: «Если они нищие, то пусть убираются, и нечего их жалеть!..»

Кто-то спешно покинул аптеку.

– Ты видел? – спросил Темный Попутчик. – У них там череп в шкафу! – А затем обратился уже к черепу: – Чего уставился?

Но его продолжали игнорировать. Он мог бы взять молоток и разбить все витрины, мог бы вытащить из кармана нож и воткнуть его в парочку стоявших впереди людей, мог бы запрыгнуть на стойку и станцевать на ней – все равно никто ничего бы не заметил. Бессилие... Бессилие вызывало холодную ярость. И чем больше в нем копилось этой ярости, тем скорее она грозила вырваться наружу.

– Хватит стоять в очереди, как дурак!

Темный Попутчик завертел головой, нагло заглядывая в глаза людям вокруг, и нетерпеливо уставился в начало очереди, где аптекарь упаковывал в бумажный пакет лекарства для какой-то девочки-калеки, у которой ниже коленок были два колеса с ржавыми спицами.

– Ты только погляди на этих людишек. Нет, ты погляди! Ты знаешь, что нужно делать! Ты ведь терпеть не можешь очереди! Ну не можешь ведь! Я-то знаю! Что это у тебя за бумажка в кармане? Рецепт? Рецепт, как быстренько сократить очередь?!

Очередь сдвинулась, девочка на колесах проехала мимо, подталкивая себя тростью к двери. Темный Попутчик незнакомца в очках попытался засунуть ей палку в колесо, чтобы она грохнулась на пол, а он посмеялся. Но у него ничего не вышло: девочка покинула аптеку, и он разозлился еще сильнее.

– Ну! Давай же! – Редкостная мразь заорала на всю аптеку: – Режь их! Режь! Режь всех!

– Отвяжись! – пробормотал незнакомец себе в воротник. Его голос был обманчиво тверд – он пытался сохранить самообладание, но с каждой минутой это делать было все сложнее, а очередь, как назло, двигалась слишком медленно. – И без тебя здесь полно бубнящего народа. Просто помолчи, проклятый голос в моей голове!

– Вот именно! – радостно воскликнуло нечто злое, приплясывая от нетерпения. – Полно народу? Ну-у-у...

– Замолчи, – сквозь зубы прошипел незнакомец и уже громче добавил, склонившись к женщине, которая стояла перед ним: – Мэм, вы скоро?

Его Темный Попутчик схватил себя за щеки, будто в попытке содрать лицо.

– Ты погляди! – воскликнул он. – Эта мадамка пришла в аптеку, как на рынок. Она будто закупает лекарства на целую армию стариков с амнезией и слабым желудком! «Прошу вас, дайте мне вот то. И еще вот это. Немного того и совсем чуть-чуть вот этого! Если будете так любезны...» Какая вежливая и м-м-медленная мисс! Это же просто невыносимо!

– Молчи. Она уже уходит! Наша очередь!

– Наша очередь! Наша... Я знаю, что она наша! Говорю тебе, хватит терпеть!

Темный Попутчик всем телом навалился на стойку и принялся скрести длинными ногтями по гравированному боку кассового аппарата: грр-грр, грр-грр, грр-грр...

– Ты только погляди на этого унылого доктора и на его унылые бакенбарды, – презрительно сказала редкостная мразь, наблюдая за тем, как человек за стойкой, задрав голову, что-то тоскливо отвечает старухе на высоком стульчике под потолком. – Он же просто иллюстрация к своей бессмысленной жизни. Угнетаемый тещей, нелюбимый женой, презирающий себя же! Никчемный человек, сплошное разочарование и плохой сын! Прирежь докторишку! Избавь нас от скуки, а его – от мучений!

– Это не доктор. Это аптекарь.

– Доктор-не-доктор, – безразлично пропел Темный Попутчик. – Все равно. Убей его!

– Молчи. Мы здесь по делу.

Сзади кто-то перетапывался, и это перетапывание действовало на нервы.

Темный Попутчик обернулся. Прямо за ними стояла немолодая женщина в шляпке с сухими цветами на тулье. Судя по ее поджатым губам, она была недовольна тем, что человек перед ней позволяет себе никуда не торопиться.

– Ты погляди на эту старуху, которая сопит за спиной, многозначительно подгоняя нас, – раздраженно произнес Темный Попутчик. – Она что, не видит, что мы здесь по делу? Кажется, из нее вот-вот посыпется пыль. А давай-ка проверим! Ты берешь нож, а я – метелку, чтобы подмести старухины пыльные внутренности.

Темный Попутчик полез в карман человека в очках, пытаясь достать оттуда нож. Он знал: нож на месте, ведь он лично подложил его своему компаньону в карман, когда тот отвернулся.

Человек в очках оттолкнул его руку. Должно быть, со стороны это выглядело весьма странно.

Тем не менее аптекарь мистер Лемони привык к судорогам посетителей. Он озвучил привычное:

– Добро пожаловать в «Горькую Пилюлю Лемони». Чего вы желаете, сэр?

– Да, чего вы желаете, сэ-э-эр? – залился смехом злобный невидимый компаньон человека в очках. – Вскрыть чье-то брюхо?

– Пилюли от маниакальной тяги к убийству окружающих, пожалуйста.

– У вас есть рецепт? – спросил мистер Лемони.

– А у нас есть рецепт? – недоверчиво уточнил Темный Попутчик. В его голову прокралось подозрение. От былой веселости не осталось и следа.

– Разумеется, у меня есть рецепт.

– Позвольте взглянуть?

Посетитель быстро протянул аптекарю сложенную бумажку, и тот, развернув ее, с недоумением уставился в листок. Там было всего две короткие фразы, выведенные столь криво и неровно, будто их писали левой рукой, в темноте и в трясущемся на мостовой экипаже:

«Помогите! Сообщите в полицию!»

Незнакомец глядел на него затравленно, а его Темный Попутчик вонзил зубы в выступающий край стойки от нетерпения.

– Принеси лекарства, Лемюэль! – со своего стульчика велела мадам Клопп. – Чего застыл?!

Аптекарь вздрогнул.

– Но...

– Никаких «но»! – перебила его теща. – У мистера Медоуза с перекрестка Бромвью и Харт не бывает никаких «но»!

И все же мистер Лемони сомневался. Руки его взмокли. Он глядел в листок, раз за разом перечитывая эти две пугающие фразы.

– Он что, читать не умеет?! – взвыл Темный Попутчик. – Ты что, читать не умеешь?! Можно скорее?! У нас еще куча дел! Еще куча неубитых людишек ошивается по городу!

– Вы дадите мне мои пилюли? – дрожащим голосом спросил посетитель. Его глаза за стеклами очков судорожно моргали, словно пытались выморгать пару булавок, гвоздь и кусок проволоки.

– Хорошо, – неуверенно ответил мистер Лемони. – Сколько вам пилюль?

– Боюсь, нам уже ничего не поможет, – с деланным сожалением заявил Темный Попутчик. – Мы просто вышли прогуляться в публичное место с ножом в кармане и ненавистью в сознании. Ты что, не видишь? Мы безумны!

– Дюжину, пожалуйста, – сказал посетитель. – И еще что-нибудь, чтобы заглушить голоса в голове.

– Эгоист! – возмущенно провизжал Темный Попутчик.

– Что-нибудь еще?

– Что-то для терпения. – Посетитель бросил выразительный взгляд вбок, туда, где никого не было. – Еще порошок, чтобы не замечать кое-чье невежество и...

– И? – с подозрением спросил Темный Попутчик: что-то ему не особо нравился список покупок.

– И? – спросил мистер Лемони.

– стакан воды, пожалуйста.

Темный Попутчик был в ярости: он не собирался замолкать или исчезать. Схватив компаньона за воротник пальто, Темный Попутчик начал его трясти.

– Будешь пить это все прямо сейчас? – закричал он. – Да ты спятил! Это невежливо – брать и выгонять гостей! Это грубо!

Мистер Лемони с испугом глядел на то, как незнакомец начинает трястись. Но тот вдруг словно вырвался из рук... самого себя и выжидающе уставился на аптекаря.

– Выпьете прямо сейчас? – спросил мистер Лемони. – Хорошо.

Аптекарь повернулся к крану над чашей зеленого мрамора, набрал воду в стакан.

– Лемюэль! – раздалось из-под потолка. – Вода у нас тоже не бесплатная!

Аптекарь, игнорируя, передал стакан посетителю. Тот забросил пилюлю в рот, принялся ее жевать, запил...

– Уэаа-а! – поморщился незнакомец.

– Нет! – закричал Темный Попутчик. – Нет! Не-е-ет!

Его скрючило, а затем он начал отрывать от себя куски, и те тут же стали превращаться в дым и развеиваться. В какой-то момент от него не осталось ничего, кроме пыли, которая осела на пальто человека в очках, аптекарскую стойку и старый потертый пол.

Из-за окна вдруг зазвучала знакомая мелодия, сыгранная на гармошке. К ней добавилось нетрезвое вытье Шляпса:

Эй, милый доктор, вылечи же меня скорей!

Эй, милый доктор, или попросту меня прибей!

Что-то не так с твоей жизнью: будто есть ноздри, но нет носов.

Да у тебя и нет больше жизни. Лишь время...

С девяти до шести часов.

– Он снова здесь! – Мадам Клопп, пытая от гнева, сползла по лесенке со своего стульчика и, ковыляя, двинулась через общий зал к двери.

Мистер Лемони не обращал на все это внимания. Он пристально глядел на то, как незнакомец в черных очках и цилиндре покачивается из стороны в сторону. На миг тот приподнял голову и поверх высокого воротника пальто расплылась коварная улыбка.

Колокольчик над дверью зазвенел. Жужжание очереди многократно усилилось, как будто кто-то открыл банку и выпустил всех мух. Мухи гудели, как паровозы. Часы начали отбивать шесть часов вечера. И казалось, уже не в первый раз.

Люди в очереди вдруг начали... меняться внешне. Из-за стойки удавалось разглядеть лишь их шляпы. Лица утрачивали черты, фигуры будто потекли, и теперь ни за что было не отличить хромого старика от маленькой бледной девочки.

Аптекарь неожиданно осознал, что все они одеты в черные пальто, у всех подняты воротники, у каждого на голове – высокий цилиндр. Восковые лица заполнили общий зал, и у каж-

дого из присутствующих будто бы прорезались черные дыры на месте глаз, похожие на смоляные стекла круглых очков.

Мистер Лемони попытался пересчитать посетителей в аптеке, но не смог: их было то семь, то девятнадцать. А незнакомец в очках, стоящий прямо перед ним, по-прежнему улыбался как маньяк. Он держал стакан в руках. Вода капала с его губ, текла по подбородку.

Аптекарью стало по-настоящему страшно, его руки задрожали, и он спрятал их под стойку.

– С вас... С вас... – Он попытался озвучить сумму за лекарства, но вдруг поймал себя на том, что не помнит, сколько стоит все то, что посетитель заказывал. В горле пересохло, а еще появилось мерзкое ощущение, как будто что-то ползает во рту.

Незнакомец в очках тоже изменился. Перед стойкой теперь покачивалась редкостная мразь, состоявшая из одной лишь кривой ухмылки. В толпе таких же мразей.

- Лемюзль! – раздался знакомый окрик из-под потолка.
И когда это мадам Клопп вернулась?
– Да, мадам!
– Хватит торчать у стойки и играть в лунатика! Запирай аптеку. С самого обеда никого не было – уже вряд ли кто-то появится.
Мистер Лемони вздрогнул: «О чем это она?» – и огляделся кругом...

Не считая тещи, он был здесь совершенно один. Лишь череп прадедушки в лимонном парике смотрел на него осуждающе.

Аптека была пуста, но где же очередь, где все?

Толпа исчезла. Как и посетитель в круглых черных очках и цилиндре. При этом губы самого мистера Лемони были мокры, а во рту появился неизвестно откуда там взявшийся горький вкус пережеванной пилюли.

Ох, Лемони-Лемони...

Стакан с водой дрогнул в его руке.

Где же все?

Тайны старой аптеки. История о собачьих ушах, гротескиане и черепае в странном парике

Глава 1. Лемони и... Лемони

В тумане раздался трескучий звонок и к станции подполз бурый от ржавчины трамвай. Когда дребезжащая громадина остановилась, а двери-гармошки с лязгом разошлись, во мглу, крепко сжимая ручку чемодана и шляпу-котелок, спустился молодой человек в коричневом пальто и клетчатых штанах.

Трамвай постоял пару мгновений, но желающих забраться к нему в брюхо не нашлось, и, закрыв двери, он продолжил путь. Вскоре туман поглотил его.

Поежившись от холода и сырости, бывший пассажир натянул котелок на голову и огляделся по сторонам.

«Не очень приветливое местечко», – подумал он.

Улица Слив, казалось, впала в спячку. Да уж, это был совсем не тот Тремпл-Толл, что у вокзала. Здесь не грохотали по мостовой экипажи, не звучали шаги прохожих и не раздавались голоса.

Старый парк на другой стороне улицы словно сошел со страниц какой-то жуткой истории о привидениях, которые печатаются в журналах «Ужасы-за-пенни». Узловатые ветви древних вязов нависали над ржавой кованой оградой, а зацепившиеся за них клочья тумана напоминали поседевшие листья. Фонарные столбы кутались во мглу, как в пальто, – сами фонари еще не зажгли, хотя уже начало темнеть.

Свет не горел и в окнах ближайших домов, а некоторые из этих окон и вовсе были заклеены старыми газетами. Как молодой человек с чемоданом ни вглядывался, ни табличек с номерами, ни вывесок различить не удавалось.

– Она должна быть где-то здесь... – пробормотал он. – Вот только где? У кого бы спросить?

Как назло, поблизости никого не было. Лишь тощая крыса шмыгнула через решетку в трубу стока, – видимо, испугалась, что к ней пристанут с расспросами.

Неподалеку вдруг что-то натужно заскрежетало, и молодой человек вздрогнул.

– Проклятье! – добавилось к скрежету. – Дрянная консервная банка! Подлая рухлядь! Старье! Думаешь, я не разнесу тебя на куски?! А ну, отдай ее сюда!

У парковой ограды стояла старенькая газетная тумба. Именно она издавала скрежет, сотрясаясь, словно в приступе падучей болезни; даже со стороны было видно, что из прорези в ее боку торчит уголок застрявшей газеты.

Возле тумбы висела густая туча темно-синего дыма. Туча клубилась и будто отрастала от тумана уродливым бесформенным комом.

Справедливо рассудив, что в туче кто-то есть, ведь не может быть, чтобы она сама изрыгала проклятия и ругательства, молодой человек с чемоданом направился к ней.

Перейдя мостовую, он приблизился к туче и разобрал в ней здоровенную фигуру в синем мундире и высоком шлеме с кокардой.

Констебль курил папиретку, настолько зловонную, что в горле тут же запершило, подступила тошнота, и молодой человек почувствовал, что вот-вот рухнет в обморок.

– Добрый вечер, сэр, – с трудом воздержавшись от обморока, поприветствовал он констебля. – Вы мне не поможете? Я ищу аптеку «Горькая Пилюля Лемони».

Констебль не ответил, и молодой человек решил, что его не услышали:

– Сэр, не подскажете, где здесь...

Из тучи резко высунулась голова. Широкое багровое лицо с мясистым носом, глубоко посаженными глазами и потрескавшимися поджатыми губами добродушием не отличалось. Даже бакенбарды топорщились гневно, если не сказать угрожающе.

– Я и с первого раза услышал, – раздраженно произнес констебль, не выпуская из зубов папиретки. – Терренс Тромпер глухотой не страдает.

– Прошу прощения, сэр, я не хотел вас оскорбить. Я просто ищу аптеку...

– Это какая-то шутка?! – рявкнул констебль Тромпер. – Не смешно!

– Нет, сэр, что вы! Я и не думал шутить. Я только прибыл в Габен и ничего здесь не знаю.

Констебль скривился с таким видом, словно к нему под одежду вдруг забралась гадкая склизкая жаба. Он оглядел молодого человека с ног до головы – отметил торчащий из кармана его пальто железнодорожный билет, висящую на ручке чемодана багажную бирку и помятое, невыспавшееся лицо, на котором будто стояла парочка штампов: «Тряска длиною в вечность» и «Беспокойный сон в шатком вагоне».

– Только приезжих нам тут не хватало, – проворчал он. – Терпеть не могу приезжих. Знаю я ваш народец: заявляете со своими чемоданами, местных газет не читаете, шляпы в общественных местах не носите, нарушаете порядок и подаете дурной пример. Отвечай: задумал разводить смуту на моей улице?

– Нет, сэр, что вы! Я просто... Просто искал аптеку.

– Что бы ты ни задумал, я слежу за тобой. Пристально. Да будет тебе известно: я самый глазастый констебль на этой улице.

– Здесь есть и другие констебли?

– Мой братец, Тедди Тромпер. Но я глазастее. Понял, песик?

Молодой человек возмутился:

– Никакой я не песик!

– Конечно песик! – Констебль ощерил кривые желтые зубы. – Ты только погляди на себя! Эти уши вислые, котелком придавленные, глаза мокрые, пальто будто пошито из собачьей шкуры. Да и несет от тебя собачатиной.

Молодой человек втянул носом воздух и смутился.

– Просто у дамы, с которой я ехал в одном купе, была собака, вот я и...

– Ну да, ну да. Знаем мы таких: сперва брызгаются средством от блох, а потом все сваливают на почтенных дам.

Грубость констебля молодого человека покорила. И пусть в его внешности действительно присутствовали некоторые собачьи черты, за что над ним порой потешались, все же он не был намерен все это терпеть:

– Я не заслуживаю подобного обхождения, сэр!

Констебль Тромпер задвигал массивной челюстью, и папиретка в его зубах заходила вверх-вниз.

– Ша! Я не знаю, из какой дыры ты сюда приехал, но тут полиция решает, кто и какого обхождения заслуживает. И полиция в моем лице решила, что ты – песик.

Молодой человек понял, что спорить дальше рискованно, ведь «песик» в любой момент может превратиться в «грязного пса» или в еще что похуже. К тому же кто знает, что придет этому злобному констеблю в голову: вдруг он считает, что псов следует лупить дубинкой?

– Хорошего вечера, сэр, – шмыгнув носом, сказал молодой человек и уже повернулся было, чтобы уйти, но тут констебль Тромпер фыркнул:

– Очки.

– Простите?

– Очки, бинокль, подзорная труба или на худой конец перископ. Что-то из перечисленного тебе точно нужно, раз уж не видишь того, что находится прямо перед твоим носом, песик.

Молодой человек недоуменно поглядел на констебля, и тот, подняв руку в белой перчатке, ткнул ею в сторону станции. Над ней нависал хмурый трехэтажный дом из темно-зеленого кирпича. Вывеска над дверью и затянутыми туманом окнами-витринами гласила: «*Горькая Пилюля Лемони*».

«И как это я не увидел аптеку, хотя и стоял от нее всего в паре шагов?!» – подумал молодой человек и сказал:

– Благодарю, сэр.

– Благодарность не шуршит, – усмехнулся констебль. – Полиция ожидает чаевые за оказанную помощь.

– Что? Чаевые?

– Двух фунтов хватит.

С тяжким вздохом молодой человек достал из кармана скомканную бумажку в два фунта и протянул ее констеблю.

Тот схватил денежку и выдохнул облако синего дыма, после чего отвернулся и тут же, будто бы забыв о существовании «песика», яростно стукнул ногой по газетной тумбе. Та отозвалась мучительным звоном.

Молодой человек поспешил оставить этого неприятливого служителя закона, пока его не обвинили в том, что газета застряла, или в том, что он якобы привез с собой в город дурное настроение, или еще в чем-то подобном, и направился к входу в аптеку.

Вслед ему неслось:

– Думаешь, можешь просто так сожрать мою газету, проклятая консервная банка?! Ты еще не знаешь, с кем связалась!..

... Колокольчик над дверью зазвенел.

Зайдя в аптеку, молодой человек втянул носом ядовито-горький запах лекарств и в нерешительности замер у входа, разглядывая место, в которое попал.

В полутьме виднелись очертания громоздких шкафов с мутными стеклянными дверцами и ящичками с тронутыми ржавчиной фигурными ручками. Между ними висели лампы под круглыми плафонами, по которым ползали какие-то крошечные зеленые насекомые.

В дальнем конце аптеки располагалась дубовая стойка. За ней, у древнего кассового аппарата, который выглядел ровесником самого здания, стоял мужчина средних лет в фартуке, и

ему самому явно не помешало бы что-нибудь принять, учитывая легкую болезненную зеленоватость лица и глубокие чернильные синяки под глазами.

В руке аптекарь держал стакан, а его тонкие невыразительные губы искривились, словно он только что разжевал очень горькую пилюлю.

Собравшись с духом, молодой человек направился напрямик к нему.

– Добрый вечер, сэр, – сказал он, подходя к стойке.

– Интересно, он настоящий? – задумчиво пробормотал аптекарь.

– Простите, что вы имеете в виду? – удивился молодой человек.

Аптекарь тряхнул головой, словно сбрасывая оцепенение.

– Ничего. Мысли вслух...

Обернувшись и задрав голову, он глянул на висевшие под потолком часы с тремя стрелками. Одна из них, непонятного назначения, была черной и указывала на отметку XII, хотя время едва перевалило за шесть, что подтверждали две другие стрелки.

Аптекарь добавил:

– Боюсь, мы уже закрыты. Приходите завтра. – Он окинул посетителя придирчивым взглядом и отдельное внимание уделил его ушам. – К тому же у нас закончились пилюли от вислухости.

Молодой человек смущенно поправил котелок.

– Мне не нужны пилюли, – сказал он. – И с ушами моими все в порядке. Я к вам по другому поводу – не за лекарствами. Вы ведь Лемюэль Лемони?

Слова молодого человека аптекаря явно озадачили. Он нахмурился, и на его лице четко проступило: «Что еще за “другой повод”?»

– Да, я Лемюэль Лемони, – осторожно проговорил аптекарь. – Но если вы не за лекарствами, то я теряюсь в догадках, чем могу помочь.

– Меня зовут Джеймс, – представился молодой человек. – Джеймс Лемони.

Он улыбнулся и приподнял котелок.

Аптекарь уставился на посетителя с таким видом, будто ему сообщили, что все в городе вдруг взяли и вылечились от своих болезней, и тот пояснил:

– Я ваш кузен.

– Что? Кузен?

– Людвиг Лемони из Рабберота, владелец аптеки «Полезные Яды Лемони», – мой дядюшка, – сказал Джеймс. – Я ведь писал, что приеду. Вы не получали мое письмо?

Аптекарь поставил стакан на стойку и почесал затылок.

– Боюсь, что нет. За всю корреспонденцию отвечает мадам Клопп – она могла отложить это письмо в свою шкатулку с неважными письмами и забыть.

– Что ж, это многое объясняет.

– Объясняет?

– То, что вы меня явно не ждали, дорогой кузен.

– Кхм... Да. В смысле – нет. Не ждал... Вы говорите, вас зовут Джеймс? Почему Джеймс? Молодой человек удивленно поднял бровь. Вопрос был очень странным.

– Видимо, потому, что меня так зовут.

– Э-э-э... Да. Прошу прощения.

Аптекарь спохватился, видимо посчитав, что все же капельку радушия к неожиданно появившемуся на пороге родственнику проявить стоит. Жаль только, что пипетки для этого радушия под рукой не было. Лемюэль Лемони сложил губы в некое подобие улыбки, которая выдала, что делать это он не привык.

– Значит, вы приехали из Рабберота. Последний раз я был там в детстве, хотя прекрасно помню, как помогал дядюшке Людвигу вытягивать железы из жаб, толочь пилюли в ступке и... Черви... Были еще черви... Старая добрая аптека в тупике переулка Битых Горгулий...

– Но аптека ведь стоит на мосту Каменных Рыб, – сказал Джеймс.

– Точно-точно, – покивал Лемюэль. – Видимо, запомнил. Как поживает дядюшка Людвиг?

Молодой человек помрачнел.

– Из-за этого я и приехал в Габен, кузен. Две недели назад дядюшка Людвиг почил с миром. Я писал об этом в письме.

Лемюэль вздохнул.

– Печально слышать. Он был очень душевным человеком и прекрасным аптекарем. Хотя и слыл чудачком. Меня всегда забавляло, что дядюшка искренне считал себя вороном. Помните, он даже взгромоздил на крышу аптеки кресло, где и сидел часами. Как он умер?

– Дядюшка упал с крыши, – угрюмо сказал Джеймс. – Его нашли на мосту, у дверей аптеки.

– Грустно-грустно, – пробормотал Лемюэль. – Ваш приезд в Габен как-то связан с кончиной дядюшки Людвиг?

Джеймс крепко сжал ручку чемодана и кивнул.

– Не далее как неделю назад ко мне пришел душеприказчик дядюшки. Дядюшка Людвиг оставил мне аптеку в наследство.

– О, мои поздравления! – воскликнул Лемюэль, и его голос разошелся эхом по темному залу. Аптекарь вздрогнул и понизил голос: – Вы рады, что продолжите семейное дело Лемони в Раббероте?

Джеймс замялся.

– Не совсем... М-м-м... Я хотел сказать, что все это произошло крайне неожиданно. Я не думал заниматься аптекой. Я навещал дядюшку пару раз в месяц, он порой говорил, что однажды я встану за стойку после него, но я не рассчитывал, что это случится так скоро. Видите ли, я ничего не смыслю в аптекарском деле.

– О, вы всему научитесь, – убежденно сказал Лемюэль. – Вы ведь знаете нашего троюродного дядюшку Лайонела Лемони из Льютомна? Он впервые встал за стойку в пятьдесят лет, а до того занимался тем, что делал чучела из рыб. И что вы думаете? Его аптека процветает – она считается лучшей аптекой семьи Лемони. – Он понуро опустил взгляд на покрытую в некоторых местах разводами и прожженными отметинами от химикалий стойку. – Так что я уверен: у вас все получится. Аптекарьство у Лемони в крови. Я только не понимаю, чем я могу вам помочь, кузен.

Джеймс оживился.

– Я к этому и веду. Мне нужна ваша помощь. Помощь опытного аптекаря *из семьи*. Я приехал в Габен, чтобы научиться управлять аптекой.

Лемюэль округлил глаза.

– У меня?

– Ну да, – простодушно ответил Джеймс. – Где еще я лучше научусь всему, как не в самой старой аптеке семьи Лемони!

Лемюэль бросил быстрый испуганный взгляд в потолок.

– Я бы хотел вам помочь, кузен, но... – Он запнулся и сцепил кисти, пытаясь унять дрожь в пальцах. – Вы понимаете, сейчас не лучшее время. Я очень занят и... Прошу прощения, мне жаль, что вы проделали такой путь напрасно, но я вынужден вам отказать.

Джеймс закусил губу.

– Лемюэль, я в отчаянии... Дядюшка Людвиг скончался так внезапно. Это было как удар колокола в полночь. Мне нужна ваша помощь!

Аптекарь поджал губы и покачал головой.

– Боюсь, я и правда не могу помочь. Я хотел бы, но... Сейчас не лучшее время. Я вам сочувствую, Джеймс, но мое решение не изменится. Мне жаль.

Джеймс сокрушенно кивнул.

– Понимаю. Я догадывался, что уеду ни с чем. Похоже, мне придется принять предложение господина Карпилла из аптеки «Карпилл и сыновья». Он давно хочет прибрать дядюшкину аптеку к рукам. Что ж, видимо, к этому все шло. Господин Карпилл и его сыновья целых полвека в деле, и под их началом «Полезные Яды» не пропадут.

– Что?! – ужаснулся Лемюэль. – Вы хотите продать семейную аптеку конкуренту? Этому Карпиллу?

– И сыновьям. У меня не остается выбора.

– «Полезные Яды» начали принимать посетителей больше ста лет назад!

– Я это знаю, но...

– Еще ни одну аптеку Лемони не удалось заграбастать ни одному конкуренту! Здесь, в Габене, есть некий господин Медоуз из «Аптеки Медоуза». Он много лет пускает свои зеленые слюни на «Горькую Пиллюлю», но, несмотря на то что дела идут неважно, я и подумать о том, чтобы уступить ему, не могу. Если вы продадите аптеку этому Карпиллу...

– И сыновьям.

– ...прадедущка перевернется в гробу от горя!

– Но что я могу поделать? – взволнованно проговорил Джеймс. – Я не хочу продавать «Полезные Яды», но, если я просто встану за стойку, аптека разорится за неделю и итог все равно будет тем же.

– Где вы остановились?

– Нигде. Я приехал сюда прямо с вокзала и надеялся, что смогу остаться у вас. Ненадолго! Пока не пройду обучение.

Лемюэль снова глянул в потолок. Он явно боялся того, кто сейчас был на втором этаже. Джеймс видел, что аптекарь искренне ему сопереживает и хочет помочь, и все же что-то не позволяло ему этого сделать.

– Вы не можете здесь остаться, – глухо сказал Лемюэль, и Джеймс поймал себя на мысли, что за него это будто бы произнес кто-то другой.

Тем не менее он не собирался так просто сдаваться. Джеймс решил предпринять еще одну попытку уговорить кузена и на этот раз нацепил на себя настолько жалобный вид, на какой только был способен. Благо его внешность к этому располагала.

– Я понимаю, что многого прошу, – начал он, – но я никого не знаю в Габене, и у меня совсем нет денег: осталось лишь на обратный билет. Мне не нужно много места. Мне было бы достаточно и какого-то чулана. Я мог бы жить на чердаке. Я не буду доставлять хлопот, Лемюэль, и сделаю все, что вы скажете, – только не прогоняйте. Прошу вас. Ради дядюшки Людвиг и его «Полезных Ядов»! Я бы не приехал, если бы у меня был другой выход.

Лемюэль молчал. На его лице отчетливо проступила внутренняя борьба. И эта внутренняя борьба походила на шахматную партию: сочувствующий Лемюэль приводит аргумент, после чего другой Лемюэль – безжалостный – делает свой ход...

Наконец он покачнулся и, выбравшись из-за стойки, направился к одному из шкафов с лекарствами. Джеймс, ничего не понимая, последовал за ним.

Подойдя к шкафу, Джеймс замер и округлил глаза. На третьей сверху полке, среди баночек с пилюлями, стоял человеческий череп в странном желтом парике. Череп был очень старым – кость потемнела от времени, – а еще он будто бы улыбался...

Аптекарь не мигая смотрел на него.

– Что бы сделал прадедущка? – негромко произнес он. – Прадедущка не хотел бы, чтобы... Но она... Она здесь и...

– Лемюэль?

Аптекарь словно не слышал. Погрузившись в раздумья, он продолжал бубнить:

– Но если соблюдать правила, то ничего страшного не произойдет... А что, если она?..

– Лемюэль?

Аптекарь повернулся к кузену.

– Аптека Лемони – это не просто лавка по продаже пилюль, – сказал он. – Это история нашей семьи, как... как большой альбом с фотокарточками. Аптека хранит память о тех, кто стоял за стойкой до нас, хранит память об их страхах и чаяниях, в ее стены впитались мысли и воспоминания наших предков. Это вовсе не наследство, а наследие! Это жизни и традиции! Лемони никогда не умирают по-настоящему. И дядюшка Людвиг все еще живет в «Полезных Ядах» – в аптечной стойке, в кассовом аппарате, в весах, в склянках с лекарствами. Нет ничего хуже, чем отдать аптеку чужакам, ведь вместе с аптекой они заполучат нашу историю... нашу память. Будь прадедушка сейчас здесь, он не раздумывал бы ни мгновения. Он точно знал бы, как поступить. И я тоже знаю. Мы не позволим Карпиллу...

– И сыновьям.

– ...и его сыновьям заполучить одну из аптек Лемони!

Боясь поверить, Джеймс глядел на кузена выжидающе.

– Это значит?..

– Да. Я помогу вам освоить азы аптекарского дела, Джеймс, – решительно сказал Лемюэль. – Наша семейная аптека в Раббероте не может пропасть. Вы станете хорошим аптекарем, даю вам слово! Прадедушка бы этого хотел. И хоть сейчас... гм... не лучшее время и кое-кто будет против того, чтобы вы здесь жили и учились... Что ж, дорогой кузен, я принял решение. Добро пожаловать в «Горькую Пилюлю»!..

...Деревянная лестница была такой узкой, что приходилось идти, придерживая чемодан перед собой, и Джеймс впервые обрадовался тому, что он не какой-нибудь обжора-толстяк, который позволяет себе такую невероятную роскошь, как обед.

Ступени чуть пружинили под ногами и поскрипывали. Лемюэль поднимался первым, показывая дорогу, и все бубнил о порядках в этом доме, но то и дело отвлекался на ворчанье о своей «любимой теще». Насколько Джеймс понял, мадам Клопп была особой, мягко говоря, эксцентричной и вызвать ее неудовольствие труда не составляло.

– Мадам Клопп будет злиться из-за того, что я позволил вам остаться, – сказал Лемюэль. – И скорее всего, попытается меня живьем съесть, но я знаю, чем ее задобрить: держу на особый случай пилюли доктора Герроды для хорошего настроения.

Джеймс удивленно спросил:

– А почему она будет злиться?

Лемюэль остановился и обернулся. Наделив кузена долгим, тягучим взглядом, он сказал:

– Вообще, мадам Клопп не нужен повод, чтобы на меня злиться, но она не то чтобы будет рада гостю. Особенно сейчас.

– Сейчас?

Какое-то время аптекарь молчал, словно раздумывая, сообщать ли кузену то, что его тревожило, но в итоге, видимо, решил, что родственник должен об этом знать.

– Моя супруга Хелен, – сказал Лемюэль. – Она болеет. У нее очень редкая болезнь, и проявления этой болезни крайне неприятные. Приступы случаются раз в две недели и длятся почти двое суток. Во время них она не покидает свою комнату и... – Его губы задрожали. – Ей очень больно. Мучения Хелен терзают мое сердце, но я никак не изобрету лекарство. Много лет я подбираю ингредиенты, вот только ничто не срабатывает. Хелен навещает доктор, но даже он в силах лишь ненадолго унять ее боль. Очередной приступ начался прошлой ночью.

– Вы поэтому говорили, что сейчас не лучшее время для того, чтобы я остановился в аптеке?

Лемюэль кивнул.

– Ни я, ни ее мать не заходим к ней во время приступов. К Хелен допускается лишь доктор – только у него есть инструменты, способные... – Аптекарь внезапно оборвал себя, и Джеймсу показалось, что он просто не может подобрать нужное слово. – Пока вы здесь, вам следует соблюдать правила, кузен. Ни в коем случае не поднимайтесь на третий этаж, где находится комната миссис Лемони. Это очень важно. Вы услышите странные звуки, которые будут оттуда доноситься, возможно крики, но еще раз повторяю: ни в коем случае не поднимайтесь туда. От этой болезни нет лекарства, и я не могу допустить, чтобы она распространилась: во время приступов Хелен становится чрезвычайно заразной. Мадам Клопп скажет, что я напрасно позволил вам остановиться здесь, – я не хочу, чтобы она оказалась права.

– Разумеется, Лемюэль. Теперь, когда вы мне рассказали о несчастье вашей супруги, я понимаю, почему вы сомневались. Нет слов, чтобы в достаточной мере выразить мою благодарность: вы согласились мне помочь, несмотря ни на что.

– Лемони должны помогать друг другу. Надеюсь, вы оправдаете мое доверие.

– Я буду стараться изо всех сил.

Развернувшись, Лемюэль продолжил путь наверх. Обдумывая услышанное, Джеймс пошагал за ним.

– Также, – сказал аптекарь, – вам будет нужно следовать распорядку, пока вы проходите обучение в аптеке. Я бы советовал вам не покидать вашу комнату по ночам и не бродить по дому. Лучше, если вы будете поменьше попадаться мадам Клопп на глаза. Вы понимаете меня, Джеймс?

– Да, Лемюэль.

Они поднялись на второй этаж. Лемюэль снял с гвоздика керосиновую лампу, быстро зажег ее и двинулся по темному коридору.

Шаги аптекаря и его кузена приглушала потрепанная ковровая дорожка. Свет лампы полз по стенам, обитым потертой темно-зеленой тканью. По обе стороны от прохода висели портреты, на которых были изображены хмурые джентльмены. Некоторых Джеймс узнавал: портреты принадлежали почтенным аптекарям Лемони и прошлым владельцам «Горькой Пилюли». От их немигающих взглядов молодому человеку стало не по себе: казалось, все они наблюдают за ним, смотрят с подозрением, словно пытаются выяснить, зачем он явился.

– Мадам Клопп неусыпно следит за распорядком в доме, – говорил меж тем Лемюэль. – Она всегда просыпается ближе к полудню и обедает кашей из толченых пилюль, разбавленных сиропом от кашля. После обеда мадам устраивается у трубы пневмопочты и рассылает письма всем больным в округе с напоминанием зайти в аптеку и купить лекарства – она знает в мельчайших подробностях, кто чем болеет в нескольких ближайших кварталах. Дождавшись почтальона, мадам берет газету и взбирается с ней на стул под потолком. Она сидит там до трех часов дня, наблюдает за посетителями и ворчит. В три она отправляется к миссис Феккерли из кафе «Кошка в кляре» – это в конце улицы – и там обедает во второй раз. Нет, насколько мне известно, кошек в этом кафе больше не подают. По пути на обед и обратно мадам разносит лекарства тем, кто не может сам прийти в аптеку. Возвращается она в четыре часа и снова забирается на свой стул, где и сидит вплоть до закрытия аптеки. Самое спокойное время – до того как мадам Клопп просыпается и когда она уходит. Будьте с ней предельно вежливы, Джеймс, – она это любит. Не сопите, не фыркайте и не чешитесь – этого она не любит. А еще ни в коем случае не упоминайте при ней запонки, парики и пресс-папье.

– Пресс-папье? – удивился Джеймс.

– Это такая кабинетная штуковина, которую используют для придавливания бумаг.

– Я знаю, что такое пресс-папье, но почему его не стоит упоминать?

Лемюэль пожал плечами.

– Если вы не хотите, чтобы ваши руки и лицо были исцарапаны, вам не стоит упоминать перечисленные мной предметы.

Они подошли к третьей двери справа, и Лемюэль, достав из кармана ключ, отпер замок. Зайдя в комнату, он поставил лампу на комод и со вздохом сказал:

– Вы будете жить здесь. Эта комната принадлежала моему отцу, Лазарусу. Она пустует много лет. Хелен убирается здесь, как и в остальных комнатах, так что ни пыли, ни пауков, ни клопов у нас не водится. Видите зеленый порошок на полу? Это гремлинский яд – человеку отравиться им будет сложно, но если вы хотите избежать чесотки...

Джеймс покивал. Он сразу же понял, почему здесь все усыпано ядом от гремлинов: в комнате повсюду стояли, лежали и висели на стенах различные механизмы – настоящая вкусно-тища для этих мелких прожорливых вредителей.

Комната не выглядела уютной, хотя чего еще ожидать от места, в котором давно не живут. Зеленая обойная ткань с узором из ночных мотыльков тут и там отходила от стены, ковер казался настолько ветхим, что на него было страшно наступать – того и гляди распадется прахом, а кровать у окна...

Джеймс проглотил вставший в горле ком. У этой кровати были вовсе не ножки, а самые настоящие ноги – механические и похожие на паучьи. Прилечь или хотя бы присесть на нее желания не возникало, хотя с единственным стулом здесь все обстояло еще хуже: у него тоже были «паучьи» ноги, но, помимо этого, из разорванной обивки на сиденье торчали выбившиеся пружины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.